

Написане лишається

Надія Миронець

ЕПІСТОЛЯРНИЙ ДІАЛОГ ВОЛОДИМИРА ВИННИЧЕНКА З РОЗАЛІЄЮ ЛІФШИЦЬ (1911–1918)

№8*

[Квітень 1911 р.]

Без конца перечитываю твои письма, мой дорогой! Такая безграничная грусть во мне, так безумно тянусь всем существом туда, где ты.

О, если бы можно было хоть говорить к[а]к следует. Я читаю слова, написанные тобой и сейчас же отвечаю тебе. Когда начинаю писать, ничего не могу. Слова сковывают меня, нет возможности справиться с ними и все выходит бесцветно и банально. Милый, слышишь ли ты меня? Мне кажется, что я кричу в пустоту. Если бы я могла хоть сколько-нибудь писать подобно тебе.

Тоска моя о тебе все так же остра и ничего не хочет знать. Мои холодные письма! Знаешь ли ты, что такое бессилие? Наверное нет, а я сейчас бессильна совершенно. Не могу никак объяснить тебе, к[а]к бесконечно люблю тебя, несмотря ни на что. Разве я знаю? М[ожет] б[ыть] никогда я не буду с тобой, может быть я не смогу или ты не захочешь, узнав меня ближе, но теперь-теперь это больше всего. Довольно впрочем. Так я рада, что приезжает Л[ева]¹, что прямо даже удивительно. Конечно, он поможет тебе меня забыть, но это ничего. Ты ведь будешь с ним говорить об случившемся эпизоде и о том, что возможны даже и к[а]кие-то его последствия? Спрошу у Веры, какой он. Да, ей я совсем не писала — не могу. Придумываю разные вещи вроде: университет закроют из-за беспорядков, и я уеду в Саві; я сломаю себе ногу, не смогу заниматься и — уеду в Саві.

Занимаюсь я очень скверно; целый день сижу над книгой, и м[ожет] б[ыть] часа 3 читаю к[а]к следует. К[а]к хорошо вам теперь будет, я уже чувствую большую симпатию к Л[еве], а он м[ожет] б[ыть] не влюбит меня.

Прости меня, если тебе неприятно то, что я говорю о вашей дружбе и вообще немножко хозяйничаю в твоей душе. Я знаю, что это м[ожет] б[ыть] неприятно. Погода здесь слишком хорошая и от этого только грустнее. Сейчас сумерки. У меня на столе умирают белые ромашки, без солнца, и мне хочется плакать и просить, чтобы не наказывали.

Сейчас загадала и вышло “не любит”, и сердце так боязко сжалось. Правда это? Никто не может ответить мне, даже ты. Сегодня не было письма. Конечно, я слишком разлакомилась, но все же так грустно от этого.

Если бы ты знал, к[а]к бесконечно ты дорог мне, к[а]к невыносимо я хочу видеть тебя и к[а]к все жестоко на свете.

Я ведь еще не писала тебе серьезно. Ты не сердисься? А м[ожет] б[ыть] я и не напишу.

Пиши мне, ради всего святого! Твоя Р[оза]. (Арк. 16 — 16 зв.)

* Продолження. Початок у №9.

¹ Ідеться про Левка Юркевича (1884–1918) — одного з найближчих друзів Винниченка, відомого соціал-демократичного діяча й публіциста.

Вчера не писала тебе и ничего от тебя не получила. Сегодня, наконец! Но какое усталое письмо. Милый, мне так хочется, чтобы ты был весел и счастлив, и тем более благодарна я тебе, что ты мне написал, несмотря на усталость. Только зачем ты разорвал свое первое письмо? Зачем? Ведь мы же условились, что ты будешь все говорить мне, что захочешь и к[а]к выйдет. Теперь разве можно будет восстановить то, что было написано? К[а]к жалко. Теперь мне важно знать, в каком настроении ты бываешь и к[а]к думаешь, когда зол, когда устал, когда голоден. Я смогу отобрать главное. Не надо бояться сделать мне больно, я хочу делить с тобой и дурное и тяжелое, а не одни только радости. А ты рвешь письма!! Это жестоко. Ну да уж бог с тобой. Только не надо больше так делать, хорошо? Чтобы не забыть: я конспирирую, и значит и ты должен тоже. Не очень занимайся техникой устройства нашей будущей жизни, все это пустяки и времени еще много. Л[еве] можешь, конечно, говорить все, что хочешь, я его уже люблю и только немножко боюсь, что он меня не одобрит. Он приехал вчера? Напиши мне немножко про него. Теперь тебе не будет много времени писать, так ты немножко, только не очень редко. А то я перестану верить, что все это было в действительности... и тогда мне очень уж плохо. Для меня так естественно и неизбежно любить тебя, что я забываю об этом тебе сказать и ты м[ожет] б[ыть] думаешь, что это и не так? Не думай тогда этого. Ты запомнил всю меня, отдельно от тебя ничего нет и от этого так страшно грустно и весело. Я всегда разговариваю с тобой, рассказываю разные вещи, все конечно пустяки, но больше никому не могла бы я их рассказать. Хотела сегодня ответить тебе на последнее письмо, но сейчас утро, и вероятно не смогу. Когда я просыпаюсь по утрам, у меня ужасно бьется сердце. Я иду к двери и смотрю, нет ли письма. Милый, благодарю тебя за то, что ты пишешь мне. Так хорошо, когда вижу свежий конверт и синюю марку.

Скоро мы увидимся. Я делаю все от меня зависящее. Кажется, что прошло много месяцев с тех пор, к[а]к я уехала. Не соображаю времени, но оно тянется, к[а]к в каторге. Но все-таки оно идет, и мы увидимся. Я себе уже все представила, к[а]к мы живем. Начинается это с утра: я прихожу из лесу, ты еще спишь, ведь ты долго спишь? Солнце горячее, но не высоко, и трещат кузнечики, и я стараюсь неслышно поставить цветы, чтобы не разбудить тебя. Потом я тебя бужу.. Кажется мне, что это ужасно интересное дело. Надо сделать так, чтобы тебе было не неприятно вернуться из “мира грез” на землю. Для этого я придумываю разные способы. Не думай, что всегда я воображаю разную чепуху.

Вот о чем я хочу еще спросить. Что ты теперь делаешь? Работаешь ли? У меня ощущение, что нет. Правда ли это? А если да, то почему? Мне жаль каждый твой день, если он пропадает зря. Милый, дорогой мой. Прощай пока. Будь здоров и весел. Целую тебя. Р[оза]. Чувствую в себе сил много-много для себя и для тебя, если нужно**. (Арк. 7 – 7 зв.)

№10

[Квітень 1911 р.]

О милый мой, великое испытание дано мне, и я не могу выдержать его. Я не приеду к тебе и не увижу тебя. Не презираю тебя, господи, за что же? Разве ты виноват что ты такой? Ни на сколько не уменьшилась моя любовь к тебе, и тоска по тебе теперь еще в тысячу раз сильнее. Но не приду к тебе, п[отому] ч[то] не могу помочь тебе, п[отому] ч[то] мне страшно думать, что стану новым мучением для тебя. Кажется мне, что помогу тебе, отниму тебя у этого ужаса. И не из жалости, а из великой любви моей к тебе. Но ты пишешь, что нет, что знаешь это. Думаю, что не смогу жить вдали от тебя, сознавая, что с тобой, но да это ведь и не важно. Теперь ты один, ты не думаешь о том, что я сижу и жду твоего

** Кінець листа зрізаний.

ласкового слова, а потом, когда бы мы жили вместе, ты возненавидел бы меня. Ужас сковывает мой мозг. Я не могу причинить тебе горе, не хочу быть темным насилием, давящим тебя, и если не могу дать тебе счастья — лучше уйду.

Прости и ты меня за те моменты горя, которые я причинила тебе, за беспокойство обо мне, за все тяжелое, что заставила тебя опять передумать.

Люблю тебя безумно и поэтому не могу. Люблю тебя за радость и страдание, что дал мне.

Не для себя, а для тебя ухожу от тебя. Прощай, любовь моя. Прощай.

Р[оза]. (Арк. 9 — 9 зб.)

№11

[Квітень 1911 р.]

Если бы ты знал, к[а]к ждала я твоего письма! Мне казалось, что его не будет, но я не могла этому поверить. Когда ты прислал мне то, еще до получения моего, написанное письмо, я сейчас же хотела ехать к тебе. А потом опять мысль о том, что я в тягость тебе, меня остановила. Мой ответ слишком поспешный и легкий. Если бы ты знал, чего мне стоило написать тебе так! Ведь я боялась, что ты не знаешь, к[а]к сказать мне, чтобы я ушла. Я видала, к[а]к деликатно ты просил меня об этом, и даже не просил, а показывал на возможность сделать иначе. В первый момент я не поверила себе, а потом, подумав, что это может быть так, я уже не смогла иначе думать. И теперь, со страхом и трепетом, беру я назад свои слова. Теперь, когда уже замучила тебя своим непониманием! Но что же мне делать, если я не знаю тебя. Я все мерюю по себе и, конечно, всегда ошибаюсь. Ты знаешь, ты не можешь не чувствовать, к[а]к я ищу тебя. К[а]к угодно жить, но вблизи тебя. Все, что ты говоришь, кажется мне, что я уже думала это и именно так. Каждое слово, которе ты пишешь — родное мне, и мысль, высказанная тобою, уже моя. И это не подражание, не желание подделаться к тебе, нет. Зачем мне это делать? Это слишком просто, и не стану я обманывать тебя. Когда я не писала тебе точно ответы на твои вопросы — это я делала от того, что мне казалось, что ты их уже знаешь, что лучше меня уже знаешь все, что могу сказать тебе. Я всегда говорю с тобой, к[а]к если бы ты был здесь, и тогда, когда простилась с тобой, ты был со мной.

Так мучительно все, что было, что нет сил, совершенно. Не знаю, хочешь ли ты еще, чтобы я писала (мне не стыдно, если ты и не хочешь), но может быть, что у тебя уже переболело и стало свободно на душе. И я рада была бы и тому, п[отому] ч[то] невыразимое горе у меня от твоих страданий. Тогда, когда я писала тебе, казалось мне, что будь я там, ничего бы этого не произошло. Было бы, конечно, тяжелое и страшное, испугало бы меня, но я бы поняла. Поняла м[ожет] б[ыть] от того, что видала бы твое лицо. Кажется мне, что ты больше уже мне не веришь. У меня нет слов, нет сил. Когда ты спрашивал меня, сильна ли я, я отвечала, что да. И казалось мне, что нет такого препятствия, такой силы, с которой я не справилась бы. Вот и теперь такая смертельная усталость, а все же думаю, что смогу хоть к[а]кую-нибудь радость дать тебе. О большем я тоже думала: М[ожет] б[ыть] я помогу тебе устроить жизнь совсем особенную (ты только не смейся); в которой нам обоим будет свободно. Я уже не думаю, что все будет прекрасно, к[а]к в пасторали. Я и раньше этого не думала. Но знаешь, если даже и все будет плохо, то для меня, всякое плохо с тобой будет в тысячи раз лучше, чем все без тебя. Для меня ясно это. Если бы ты промолчал на мое письмо, я ушла бы без упреков и слез, и так же сделаю, когда ты скажешь мне об этом. Но к[а]к же, если ты вдруг пожалеешь меня?

Сейчас принесли твое письмо. Да, я прииду к тебе, прииду, мое счастье. Не сомневайся во мне, верь моим словам, п[отому] ч[то] они и сотой доли не говорят того, что я чувствую. Так мучило меня сомнение в тебе, но больше не хочу его. Тысячи планов в моей голове. Мне так хорошо, что хочется всем сделать что-нибудь, и я люблю весь мир.

Если ты желаешь меня, и из-за меня хочешь расстаться с Л[евой], то не надо этого делать. Теперь вы строите план своей жизни без меня, и я опять помешаю вам. Нет, это все не то. Делай, к[а]к знаешь, помни только, что никто, кто не помешает тебе, не помешает и мне. И все, что доставит тебе радость, я люблю уже.

Напиши, к[а]к вы живете. К[а]к будто прошло много лет, и много событий, и все же все, что было, ясно, к[а]к случившееся вчера.

Целую твои глаза и благодарю тебя, твоя Р[оза].

P.S. Письма, которые ты просил, вышло завтра заказным. (Арк. 49 – 52. Підшивка в архівній справі переплутана)

№ 12

[Квітень 1911 р.]

Дорогой мой, я верю тебе абсолютно, пусть тебе не будет больно и грустно от того, что я писала тебе раньше; раньше я не знала тебя и всего боялась.

Теперь, всем страданием моим я купила тебя и больше не боюсь. Я не думаю, что все будет хорошо, одна радость, знаю, что так не бывает, но то, что связывает меня с тобой, мое чувство к тебе, сильнее страха горя. Я не знаю, как это все будет: может быть ты или я окажемся не способными к жизни вдвоем, мало-ли что может оказаться, но это уж там будет видно. Пока я стараюсь не придумывать ничего заранее, никаких программ. Я ведь никогда ни с кем не жила и опыта у меня нет, даже чужого. Мы не дадим друг другу клятв в вечной любви и верности, т.к. знаем, что это бесполезно, мы свободны.

Дети, об этом ты мне уже говорил. Вначале мне было непонятно и беспокоино от того, что ты не хочешь детей (это от того, что не привыкла слышать об этом так высказываемые мысли), а теперь я понимаю, согласна с тобой и благодарна тебе. Да, это слишком серьезно, это важнее всего и поэтому этого нельзя.

К[а]к странно просто становится все, когда думаешь, и это мне кажется знакомым, что мысль правильна.

Помнишь, мы шли с тобой из Sesfri и строили планы нашей жизни? И тогда мне показалось странно, к[а]к это можно так спокойно говорить о таких необычных вещах. Я сказала еще: вот если бы кто-нибудь нас послушал? Это все от буржуазных привычек, ведь это неприлично немножко, а главное непривычно. Не могу тебе сказать, к[а]к много во мне нежности к тебе! М[ожет] быть я очень плохая, или очень хорошая; я сама не знаю, к[а]кая я, но чувствую, что возле тебя я не могу быть плохой. Во мне много буржуазности, но это не главное и не неременная моя принадлежность. Это к[а]к некоторые выражения, которые режут ухо. Помню, к[а]к я не могла простить Борису Яков[левичу]² слово “учесть” не знаю отчего. Ты не сердись и не ставь мне в вину, если я пишу не то. Не умею я и не могу так последовательно думать, как бы следовало.

Когда-то я думала, что если у меня будет ребенок, он будет только мой. Я даже не скажу, что он может явиться, его отцу, и буду его воспитывать одна.

Это я думала, т[ак] к[ак] решила никогда не выходить замуж законным образом. Теперь я не хочу пока иметь детей.

Я боюсь нашей наследственности. И от тебя я не скрою, не могу скрыть, потому что ты не к[а]к все, и тебе есть до этого дело. Ты спрашиваешь, не боюсь ли я полного одиночества? Нет, не боюсь. Такая жизнь только вдвоем кажется мне прекрасной, и я бы ничего не хотела другого.

Но вот что, у меня нет опыта, м[ожет] б[ыть] это действительно плохо для тебя. Я привыкла почти никого не видеть, живя здесь. Всех моих знакомых человек 5, и из них только Надю я вижу часто. А ты не привык к такой жизни. И потом, м[ожет] б[ыть] ты вздумаешь мучиться тем, что лишил меня общества, развлечений, и угрызения совести тебя съедят?

Мы можем переехать после, если будет скучно. Или вот что. Поедем в место, где есть люди, но нет знакомых. Например, в Бретань. Можно найти нечто

² Імовірно, йдеться про Бориса Яковенка, чоловіка Розаліїної сестри Вері.

спокойное и не очень заброшенное. Правда, с кухаркой и в Бретани не очень-то разговоришься, да там найдется еще кто-нибудь. Не хочется мне, чтобы Надя (она одна только и есть моя подруга) жила с нами, да она и сама не захочет. Я ей немножко сказала, чуть-чуть, и она уже стала подозрительной и холодной. Есть во мне какое-то чувство, которое не позволяет мне выносить на показ мою любовь, даже близким мне. Сказала же я Н[аде], чтобы приготовить ее к моему отъезду. Ты, очевидно, не получил двух моих последних писем. Это очень грустно, значит ты мне опять не будешь писать? Это так грустно! Отчего ты ни слова не пишешь о Л[еве]?

Ты передо мной совсем к[а]к живой, и нет сил, так тянет к тебе. Люблю тебя, люблю. Хочу дать тебе счастье, хочу понять тебя, быть равной тебе. Неужели все это ничего не значит, и несмотря на мою любовь, ничего может не выйти из нашей жизни? Не может этого быть. Объявляю войну разочарованию, скуке, злобе и всему, что мешает жить. Стремлюсь к тебе всем существом моим. Твоя Роза.

P.S. Экзамены еще не сейчас, и даже еще нет приглашения. К началу июня надеюсь освободиться. Когда узнаю точно — напишу. Не ищи больше мест на Ривьере. Твои аргументы против нее не слишком убедительны (кроме уединения). Я выберу что-нибудь подходящее и напишу. Только в Бр[етани] труднее найти квартиру. Я жила там однажды, только в таком месте, где не знают даже разницы между англичанами и русскими. Туда я тебя не повезу, не бойся! В[ся] Т[воя] К[оха]. (Арк. 13 — 14)

№ 13

Paris 6 mai

Послала вчера телеграмму и вечером получила два письма от тебя!!! Если когда-нибудь в моей жизни будет еще такой день, то я вперед вознаграждена за все беды, несчастья и все зло.

Измученна я до последней степени, и теперь такое безсилие и блаженство, к[а]к бывало только в детстве. И кажется, что невозможное случилось, что можно надеяться на новые чудеса и весь мир прекрасен до безумия.

Никогда не чувствовала я такой сильной любви ко всему что живет. Шла по улицам и радовалась на все и любила все и всех. Бедные люди, они и не подозревают, что может быть такое счастье. Вот я не вижу тебя, но что же из того. Я так чувствую тебя, так нераздельно твоя, что мне все равно даже, что тебя нет здесь. Когда кончается день и я остаюсь совсем одна, я почти вижу тебя. Спасибо, милый, за карточку. Она очень напоминает тебя, к[а]ким ты бываешь иногда и был, когда я тебя увидела во второй раз. Она мне так дорога, к[а]к дорого все, что от тебя.

Напиши мне поподробнее о том, к[а]к вы живете, опиши один день. Это глупо, но мне нужно, чтобы было совсем ясно, чтобы и я могла ходить с вами по горам, и на море и открывать большим ключом дверь конюшни. Тысячи планов в моей голове. Купила путеводитель по Бретани и Нормандии, но к[а]к-то туда не тянет, очень еще здесь холодно. А у вас? Ты должно-быть совсем загорел? Я напишу тебе, что мне понравится из мест, куда можно будет поехать. Если тебе хочется остаться в Италии — сделаем так. Это для меня особой роли не играет; а если будет очень жарко — переедем. Мы ведь свободные люди. Только вот книги. Да, напиши, что тебе хочется из книг, некоторые. Я постараюсь достать. Боюсь как бы мы с тобой совсем не сделали кабинетными крысами. Представь себе, что мне вернули мое заказное письмо, котор[ое] я тебе послала, с твоими письмами! Оно не дошло, т.к. я не написала Генуэзская провинция. В том я увидела волю свыше и не посылаю эти письма пока.

Надо кончать и идти заниматься. О Господи! Целую тебя, единственный источник моей радости.

Пиши. Твоя Р[оза]. (Арк. 12 — 12 зб.)

[Травень 1911 р.]

Сегодня опять нет от тебя ни слова. Я уже вчера начала беспокоиться. Не нахожу себе места, не могу ничего делать и готова сломя голову скакать к тебе. Разные вещи могли произойти за это время, а я ничего не знаю.

Когда вот так, как сейчас я живу, какой-то призрачной жизнью, мне невозможно, невероятно, что ты любишь меня. Почему? Иногда кажется мне, что это так, что тебя ждала я долгие годы и ты должен был возвратиться мне и иначе не могло бы и быть. Тогда мне так безумно хорошо, все становится ясным чистым счастьем. Мне не страшна разлука, не боюсь ничего, ни того, что будет. Такое счастье и чувство такой невыразимой радости, что почти невыносимо. Милый, мне необходимо подробно знать, что ты думаешь, к[а]к ты живешь. А то я где-то заброшенная и так легко меня забыть. Вера писала мне, что ты и Л[ева] скоро уезжаете из Cavi. К[а]к это будет, куда вы поедете? Я бы хотела, чтоб пока я несвободна и не могу вырваться из Парижа, тебе было тепло и уютно.

Были и здесь 2 жарких дня, душные и грозные, но в моем погребке всегда холодно. Вероятно это лето будет жарким и в Италии жить будет нельзя. Я нашла в Бретани маленькое место, не далеко от Dinard (ou on trouve tousles plaisirs mondains!) Называется оно St. Lunaire. 7, 1/2 ч. от Парижа.

Ах, есть сколько угодных мест на свете, и всюду хорошо с одним условием.

Но ты не пишишь и все ненужно, и ни о чем нельзя думать и некуда двинуться.

Здоров ли ты? Если ты получил мое последнее письмо, я должна завтра получить ответ. Господи, хоть бы скорее завтра! Не могу писать. Жду. Прощай пока. Твоя Р[оза]. (Арк. 15 – 5 зв.)

[Травень 1911 р.]

Спасибо, дорогой мой, за такое решение. Это я внушила тебе, п[отому] ч[то] давно и настойчиво желала этого. Теперь же мне кажется, что иначе и не может быть! О милый, к[а]к я счастлива, что скоро увижу тебя!

Это опять оторвет тебя от работы, ну да уж это в последний раз. Потом мы нагоним потерянное. У меня даже дух захватывает от мысли, что скоро ты будешь здесь. Значит, Италия отпадает сама собой. Нельзя же возвращаться, а изменить решение приехать ты не можешь, т[ак] к[ак] это будет слишком жестоко. Если бы ты знал, к[а]к мне все равно, куда ни ехать. Я тоже хочу в Карпаты. Какого там нет комфорта и какой тебе нужен? В Швейцарию в глушь тоже хорошо, только я не знаю, существует ли она? В Бретани и Норм[андии] есть море и горы, но все не так, к[а]к в Ит[алии]. Море серо-зеленое, а горы низкие, скорее холмы. Дом там найти можно, это я напутала.

Не хочу, чтобы ты один устраивал все и говорил о всякой чепухе, когда тебе это скучно, но не знаю, к[а]к же сделать. Мне все кажется, что можно выбрать по [слово не разборливо. – Упоряд.], а потом прямо поехать и на месте уж найти, что надо. Да это все не важно. Важно, что меня еще не зовут на экзамен, что все затягивается, и я уж думала бросить это и ехать из П[арижа]. А теперь какое чудное счастье! Да, ты дай мне телеграмму о выезде. Самый удобный поезд express 1.2.3. Выходит из Генуи в 11ч. 20 м. дня, приходит в Париж в 6 ч. 45 м. утра. Через Турин и Модан и Женеву. Сколько пересадок, я не знаю, но не много. Неужели я так и не увижу Левушку? Так грустно. Что он будет делать летом? Gay-Lussac отделен от Censier только Claude-Bernard и еще кусочком Mongl. Это близко довольно. Почтовое бюро № 29 на rue Mongl. 2 м. ходьбы от меня.

Перед отъездом поцелуй за меня маленьких птенцов и поблагодари за заступничество. Боюсь, что не вытасу тебя из Парижа, когда ты уж попадешь в него.

Милый-милый. Хоть бы скорее это случилось и я увидела тебя. Начнется новое для тебя. Отдохнешь ли только ты в Париже и к[а]к опять станешь привыкать к

французам. Ты должно быть говоришь к[а]к итальянец теперь? Не пиши мне пока. Обнимаю тебя, мое счастье. Жду нетерпеливо.
Т[воя] Р[оза]. (Арк. 11 – 11 зб.)

№ 16

[Травень 1911 р.]

Случилось чудо, моя сестра³ здорова. Недавно еще она была совсем больна, когда я вернулась от тебя, она была в бреду. Вчера я поехала к ней и застала ее здоровой. Она еще возбуждена немного, слишком весела, но нет никаких следов бреда. Доктор говорит, что ее можно взять из санаториума. Теперь для меня вопрос, что же мне с ней сделать? Я одна могу и должна это решить, п[отому] ч[то] кроме меня никого нет. И вот я думаю, что же теперь будет? Ты знаешь, что после такой болезни ее нельзя оставить одну. Что ж будет с нами, к[а]к все устроится. Мне страшно, за то, что я к[а]к будто и не рада ее выздоровлению, потому что это должно связать меня. Это ужасно! Если бы ты мог представить себе мое состояние теперь. Я совсем растерялась. Сейчас я пишу Вере, м[ожет] б[ыть] она останется еще в Италии. Тогда я отвезу ее к ней. Ей хорошо будет там, а я ...я буду свободна. Но если Вера уедет из Cavi в июне – ее везти нельзя. Тогда м[ожет] б[ыть] я попрошу брата взять ее в деревню, в его семью, придется, в случае его согласия, отвезти ее в Россию. Если же и это не выйдет – я останусь с ней жить в к[а]кой-нибудь деревне в Швейцарии. Больше ничего нельзя придумать. У нее такая жажда жизни, такая тоска по родным, что никуда к чужим ее отдать нельзя, да она и не захочет. К[а]к же теперь? Тебе лучше не приезжать теперь сюда. Я ведь должна буду целый день быть около сестры, а это будет пытка для меня, знать, что ты здесь и не видеть тебя. Господи, что же это! Неужели же опять тебя отнимают у меня и опять все рушится. Я не могу: я умираю от тоски по тебе! Но что же мне делать. Ты умный, м[ожет] б[ыть] ты посоветуешь что-нибудь? Я так была счастлива эти дни. Я должна была скоро увидеть тебя и вот я сама прошу тебя не приезжать. Это похоже на самоубийство. Другого же исхода я не вижу.

Прости меня, что я опять тревожу тебя. Мне что-то чувствуется, что и тебе теперь не хорошо, и я готова все сделать, чтобы было лучше. О мой дорогой, мое счастье, жизнь. Я не могу жить без тебя! Не могу и не хочу. Я найду выход, пусть хоть все гибнет. Сейчас посылаю телегр[амму] в Москву, но кажется брата там нет. Придется еще ждать денег, что бы взять сестру. Голова идет кругом. Отвечай скорее, умоляю. Р[оза]. (Арк. 53)

№ 17

[Листівка, травень 1911 р.]

Получила письмо от четверга. Отвечу потом, сейчас надо устраивать дела сестры. Привыкла иметь известия часто и беспокоюсь из-за всякого пустяка. Получила еще 2 п[исьма] от Ш[имкевича], с советом пойти на 9-ю симфонию Бетховена в память и т.д. Жду еще весточки от Вас. Р[оза]. (Арк. 54)

№ 18

[Травень 1911 р.]

Ты сердисься на меня, милый. Может быть ты имеешь на то основания, может я обидела тебя своими лаконическими письмами. Все может быть. Но если бы ты мог заглянуть в мою душу – ты не стал бы на меня сердиться. Во мне нет ни одной мысли, ни одного желания, не связанных с тобой. Все ценно, имеет значение, и нужно только если в этом участвуешь ты. Я не могу говорить с людьми о тебе и поэтому я не могу совсем говорить с ними. М[ожет] б[ыть] это пройдет, но теперь я не могу чувствовать иначе. В тебе все, без тебя мрак и смерть. Разве могу я сказать, почему это и к[а]к случилось? Я не могу даже

³ Идетсья про старшу сестру Розалії Яківни Раю.

определить, сильно или нет я люблю тебя. Я не знаю. Знаю, что ты для меня необходим к[а]к воздух.

Когда я пытаюсь писать тебе, слова так не соответствуют тому, что я чувствую, что мне становится невыносимо. Милый, если бы ты понял меня! Мне страшно. Где-то далеко, м[ожет] быть сейчас ты решаешь забыть меня. Ты смотришь на жалкие листки, которые получил от меня, и видишь, что ничего-то в них нет. Какие-то вымученные слова, нет ни чувства, ни остроумия. Ничего. Но что же мне делать, если я не умею. Неужели за это можно забыть меня. Кто знает, м[ожет] б[ыть] это и доказывает черствость души, равнодушие и еще что-нибудь. Но я не могу примириться с таким выводом. Если можешь, услышь меня. Я люблю тебя. Плачу от бессилия своего сказать так, чтобы ты поверил. Что-то враждебное и холодное чувствую я в тебе. Не знаю, что это и боюсь.

К[а]к хочется мне к тебе. Кажется, что все темное исчезнет навсегда, отойдет страх, станет светло и просторно.

Мне так хочется сделать тебя счастливым, хоть немножко. Целую твои милые руки.

Ты получил мое письмо о сестре и телегр[амму]. Приедешь ли ты?⁴ Кто знает. Сестры еще здесь нет, жду денег, чтобы взять ее. Если Вера останется в Саві (в чем я сомневаюсь), то я отвезу Раю к ней. Голова ходит кругом. Боюсь, если ты приедешь и сразу войдешь во все дела, то тебе очень будет тяжело. Если не хочешь ничего этого знать — не приезжай. Но у меня все-таки надежда, что ты приедешь. Холодно здесь вдруг стало. Второй день. Я все думаю, к[а]к ты узнаешь у Веры, что она решила? На всякий случай телеграфируй мне, если она остается. Я забыла попросить ее о этом. Если же в Россию придется везти сестру, то поеду не я, я не могу, а Надя. Я уж ей говорила об этом. Понемножку все разбирается.

Несчастные мои экзамены. Наверное провал.

P.S. Разве я могла просить тебя не писать пока! Милый, боюсь сказать до свиданья! Целую.

Т[воя] Р[оза]. (Арк. 17 — 17 зв.)***

Підготовка тексту і примітки Надії Миронець

⁴ Винниченко таки приїхав до Парижа, і вони з Розою в кінці травня або на початку червня 1911 р. поселилися в містечку Авон (Avon) коло Фонтельбу у Франції. У листі до Люсі Гольдмерштейн, датованому 9 червня, Винниченко дає таку адресу: N.Hirniak, 23, avenue des Carosses Avon (Seine et Marne). — (Кур'єр Кривбасу. — 2001. — № 141. — С. 112). Чотиримісячне спільне проживання було періодом їхнього “пробного шлюбу”, коли вони вирішували, чи будуть створювати сім'ю. Аналізуючи свої тогочасні роздуми й почуття до Рози, Винниченко записав у “Щоденнику” 27 червня 1911 р., що в нього інколи “з холодком пробігає думка: “Кінець захопленням, мріям, шуканням, ти знайшов уже”. І хоч я знаю, що ліпшої знайти не можу, все ж таки мені здається, що я від чогось одмовився, щось загубив, чогось не дійшов. Але поруч з цим я чую, як досвід мій говорить, що все незнайдене хвилює, а знайдене, те саме, що жагуче тягнуло, робиться звичним і не хвилює, а прив'язує, входить як вогкість в істоту і зростається з нею, зростається до того, що тільки з кров'ю оддирається” (Винниченко В. Щоденник. — Т. I. — С. 38-39). Спільне проживання переконало Винниченка, що він знайшов саме таку жінку, з якою хотів би мати дітей. Але він мріяв про родину українську і, щоб полегшити дружині вивчення української мови, вирішив якийсь час прожити з нею в Галичині й виїхав до Львова, щоб найняти там квартиру. Розалія залишилася в Парижі, щоб закінчити курс навчання. Наступний лист вона відправила Винниченкові 2 жовтня 1911 р. до Львова на адресу Левка Юркевича.

*** Продовження у наступних номерах.